

Александр Обухов

Курсом на Берлин... в августе 41-го

Как же так, ведь наши войска штурмовали столицу фашистского рейха победной весной 1945 года? Но никакой ошибки в заголовке нет. Через полтора месяца после начала войны советская авиация действительно бомбила Берлин.

Ответ на удар по Москве?

Конечно, в это время не было даже и отдалённых перспектив для атаки Берлина.

Летом—осенью 41-го немецкие стратеги рапортовали фюреру: Красная Армия вот-вот будет разбита. Но, хотя фашисты уже подмяли под себя значительную часть европейской территории нашей страны, блицкриг не удался. А первые звоночки в виде обороны Брестской крепости, Смоленского сражения, боёв на Лужском оборонительном рубеже ничего хорошего гитлеровцам не сулили.

И в ряду этих событий особо стоит бомбардировка Берлина советской авиацией в августе 1941 года.

Был ли это ответный удар на первый массированный налёт немецкой авиации на Москву в ночь с 21 на 22 июля, длившийся более пяти часов? Такое объяснение представляется слишком узким.

К августу 41-го обстановка на всех фронтах предельно накалилась. В сводках Совинформбюро ежедневно говорилось о том, что «после тяжёлых и ожесточённых боёв, с целью выравнивания линии фронта» наши войска оставили очередной населённый пункт.

Политические и военные руководители страны понимали: нужна военная операция, которая поднимет моральный дух не только на фронте, но и в тылу, событие, которое прозвучит во всём мире и поможет сформировать антигитлеровскую коалицию. Ведь многие политики в Англии и США выжидали: чья возьмёт?

На прицеле — кабинет Гитлера

На мой взгляд, присутствовал и второй фактор, повлиявший на решение о бомбардировках Берлина в августе 1941 года.

Не так давно были раскрыты (в общих чертах) донесения закордонного агента Бася, переданные из Берлина в Ленинградское управление госбезопасности и сразу же пересланные в Москву.

В разведыводке содержались подлинные сведения о резиденции Адольфа Гитлера в Берлине: координаты его кабинета (второй этаж трёхэтажного корпуса в центре Берлина); виды камуфляжных сеток, изменявших конфигурацию здания; виды искусственных деревьев, расставленных на крыше. Сообщалось также, что во время авианалётов предусмотрено создание техническими средствами особого «облака», сбыва-

когого лётчиков с ориентира и завлекающего их в зону зенитного обстрела.

Ясно, что, обладая донесениями такого рода, можно и нужно было использовать их при авианалёте на Берлин.

На предельной высоте

Первыми ударить по Берлину должны были лётчики ВВС Балтийского флота — ведь именно они спустя три дня после начала войны уничтожили 130 немецких самолётов на финских аэродромах! И в первых числах августа группа лётчиков под командованием полковника Е.Н. Преображенского передислоцировалась на аэродром Кагул на острове Эзель (Сааремаа).

Лететь предстояло так: Эзель — Свиномюнде — Штеттин — Берлин (1765 км). Это был трудный маршрут: продолжительность составляла 7 часов, а сам полёт для защиты от зениток противника должен был проходить на предельной высоте в 7 тысяч метров, в ночное время. Основным средством для доставки «подарков» врагу были выбраны самолёты ДБ-3 и ДБ-3Ф («Ф» означало «форсированный»). И 7 августа в 21.00 с аэродрома Кагул вылетела группа из 15 бомбардировщиков ДБ-3Ф во главе с флагманом, командиром полка Е.Н. Преображенским.

Немцы приняли за своих

Полёт проходил в труднейших условиях. Слово штурману флагманского самолёта майору П.И. Хохлову:

«Промелькнула внизу последняя полоска земли. Теперь под нами и вокруг только море... Высота 4500 метров. Пришлось надеть кислородные маски. Я прошу Преображенского почаще выдерживать заданный курс, зная, что выход на контрольный ориентир на южном берегу Балтийского моря будет трудным. Его придётся проходить в темноте, на большой высоте и при наличии значительной облачности... Летим уже два с половиной часа. Высота 6000 метров. Температура в кабине 38 градусов ниже нуля. Появилась тяжесть в голове, в руках, апатия... Открываем полностью подачу кислорода. Сразу

Е.Н. Преображенский

становится легче. Облачность по-прежнему значительная, и очень трудно обнаружить береговую черту. Неожиданно нам приходит на помощь противозенитная оборона противника. Через просветы облаков прорезались лучи прожекторов. Следовало ожидать разрывов снарядов, но их нет. Мы поняли, что пролетаем береговую черту и фашисты приняли нас за своих... Впереди по курсу замечаем действующий аэродром. Так и есть, Штеттин... При нашем появлении замигали неоновые огни, засветились посадочные полосы. По всему видно, что нас опять приняли за своих... Берлин мы увидели издалека. Сначала на горизонте появилось светлое пятно. Наконец, оно превратилось в зарево на полнеба. От неожиданности я оторопел — фашистская столица освещена... Преображенский подает идущим за флагманом экипажам команду: «рассредоточиться, выходить на цели самостоятельно».

Весть об авиаударе по Берлину быстро распространится и по войскам, и по гражданскому населению

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Ложь не удалась

Бомбы по объектам хорошо освещённого Берлина были сброшены прицельно: в районе стадиона, индустриального квартала, вокзала и телеграфа. Вниз полетели и тысячи листовок.

Берлинские зенитчики оказались застигнуты врасплох. Уже после бомбардировки противник привёл в действие огневой заслон, и вокруг самолётов стало взрываться по 30–40 снарядов. Но ни один не достиг цели, так как экипажи через каждые 30–40 секунд меняли направление и высоту полёта.

Вновь слово штурману П.И. Хохлову:

«Мы, миновав опасную зону противозащитной обороны, достигли моря. Снизились до 4000 метров и с облегчением сняли кислородные маски. Теперь надо было поточнее определить своё место над морем и выяснить — нет ли пробоя и бензобака, ибо если самолёт потеряет какое-то количество бензина, ему не дотянуть до Сааремаа... Залезл горизонт, забрезжил рассвет. Над морем стояла густая дымка. По радио запросили метеосводку и разрешение на посадку. Через несколько минут нам ответили: «Над аэродромом густая дымка. Видимость 600–800 метров. Посадку разрешаю». Все с облегчением вздохнули... Мы зарулили на стоянку и опустили из кабины на землю. Ныла спина, руки ещё не отогрелись. От перенапряжения дрожали ноги. Болели глаза. Преображенский лёг на траву прямо под плоскостью самолёта. Я и оба сержанта опустили рядом. Хотелось вот так лежать, не шевелиться...»

13 августа пятерым участникам авиаудара по Берлину были присвоены звания Героев Советского Союза, остальным вручили другие правительственные награды.

Весть об авиаударе по Берлину быстро распространится и по войскам, и по гражданскому населению. Министр пропаганды рейха Геббельс сделал сообщение в своей манере, мешая правду с ложью, и немецкие газеты через день написали: «Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолётов». Англичане, однако, заявили: «Германское сообщение о бомбар-

дировке Берлина интересно и загадочно, так как 7–8 августа английская авиация над Берлином не летала».

Пришлось фашистам признать, что Берлин бомбардировала советская авиация, которая была ими похоронена преждевременно.

«Зачем вы, Эрнст, связались с русскими?»

Что же касается умонастроений немецких бюргеров, лучше всего о них рассказывают строки из письма жительницы Берлина Анны Ренинг, сообщившей своему мужу на Восточный фронт 17 августа 1941 года:

«Дорогой мой Эрнст! Война с Россией уже стоила нам многих сотен тысяч убитых. Мрачные мысли не оставляют меня. Последние время к нам ночью прилетают бомбардировщики. Всем говорят, что бомбили англичане, но нам точно известно, что в эту ночь нас бомбили русские. Берлин от разрывов бомб сотрясало... И вообще скажу тебе: с тех пор как появились над нами головами русские, ты не можешь себе представить, как нам стало скверно. Родные Вилли Фюрстенберга служили на артиллерийском заводе. Завода больше не существует. Ах, Эрнст, когда русские бомбы падали на заводы Сименса, мне казалось, всё проваливается сквозь землю. Зачем вы, Эрнст, связались с русскими. Неужели нельзя было найти что-либо постыднее? Я знаю, Эрнст, ты скажешь мне, что это не моё дело... Но знай, мой дорогой, что здесь, возле этих проклятых военных заводов, жить невозможно. Все мы находимся словно в аду. Пишу я сердито и открыто, ибо мне теперь всё безразлично. Прощай! Всего хорошего, твоя Анна».

До 4 сентября 1941 года десять вылетов на Берлин совершил 1-й мино-торпедный авиаполк. Погибли восемь летних экипажей. Но задачу полк выполнил с честью. В августе–сентябре наши самолёты сбросили на столицу фашистского рейха 36 тонн фугасных и зажигательных бомб.

Предстояли ещё годы борьбы, но в заревах берлинских пожаров уже были видны отблески нашей грядущей Победы. ■